„Пров 49“ 66

19-е ФЕВРАЛЯ.

ВТОРАЯ ВОЛЯ

Въ борьбѣ обрѣтешь
ты право свое.

Ишк
пс-р
в
„Пров 38“
„Пров 49“
66
Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

ВТОРАЯ ВОЛЯ.

Великая была радость въ Россіи 19 февраля 1861-г. Въ этотъ день объявлена была отъ царя воля всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Тяжела была когда-то татарская неволя, радовались всѣ крестьяне, когда отъ нея освободились, а потомъ попали къ помѣщикамъ въ неволю и стало имъ пожалуй еще хуже. Помѣщики носили крестъ и назывались православными христіанами, но еще тяжелѣе, чѣмъ некрещеные татары, сѣли они на шею мужику. На долго еще останется страшная память о томъ, какъ крестьянинъ полъ-жизни убивался на господской работѣ, какъ его, словно рабочую скотину, продавали, на собакъ мѣняли, всячески насиловали и тиранили. И вотъ пришла наконецъ долго жданная воля. Плакалъ народъ отъ радости, благословлялъ царя-освободителя и думалъ: вотъ ужъ теперь пришелъ конецъ собачьей жизни, заживемъ теперь, какъ люди живутъ.

2-й экз.

Прошло съ того времени 40 лѣтъ, а оглянемся вокругъ: какъ живутъ теперь крестьяне? Что дала имъ воля? Стали они жить въ довольствѣ, работаютъ сами на себя и никто не сидитъ на мужицкой шеѣ? Знаемъ мы очень хорошо, какую крестьянамъ дали волю. Дали крестьянамъ полъ-земли и полъ-воли. Лучшую половину земли оставилъ царь помѣщикамъ, и теперь крестьянинъ вмѣсто барщины и оброка платитъ барину аренду и служитъ ему батракомъ. А за мѣсто помѣщиковъ бьютъ ихъ чиновники—земскіе начальники да полиція. Мужикъ человѣкомъ не сталъ. Живетъ онъ и работаетъ не для себя, а для всякихъ господъ и для царя съ его слугами и хлещутъ они его, какъ рабочую скотину. Какъ это такъ вышло?

А вышло очень просто: обморочили, одурачили крестьянъ волей, царь не для нихъ, а для себя да для помѣщиковъ и купцовъ все дѣло устроилъ. Да и какъ бы иначе? Вѣдь кто закрѣпилъ крестьянъ помѣщикамъ? —Цари. Отъ кого пошли сами цари?—Отъ князей, отъ высшаго дворянства. Дворяне же ихъ всегда тѣсно окружали и поддерживали. Дворяне служили царю, а царь дворянамъ. Трудно сосчитать, сколько милліоновъ десятинъ земли, сколько сотъ тысячъ крестьянскихъ душъ раздарили цари своимъ любимцамъ. А сколько у самихъ царей было крѣпостныхъ и осталось и теперь земли: императоръ Николай I такъ и говорилъ: „Я первый помѣщикъ въ Россіи.“ Всегда было дворянство съ царемъ, какъ туловище съ головой. Какъ же голова можетъ пойти противъ туловища?

Но зачѣмъ же царь далъ крестьянамъ хоть полъ-

224670

воли? Да, конечно, изъ страха, а не изъ милости. Цари закрѣпили крестьянъ помѣщикамъ, цари же и держали ихъ въ неволѣ всѣми силами, пока только могли. Не разъ поднимались крестьяне съ вилами, да топорами, не стерпѣвъ своей каторжной жизни, и приходилось тогда круто господамъ, но усмиряло крестьянъ царское войско. Темный былъ тогда народъ, не было согласія, не всѣ дружно возставали и одолѣвали царя съ дворянами. Однако всетаки царямъ все страшнѣе становилось. Видѣли они, что сколько крестьянской крови они ни пролили, а нельзя ею затушить пожара, что все снова и снова то тамъ, то здѣсь вспыхиваютъ крестьянскіе бунты, что никогда крестьяне не помирятся съ собачьей своей жизнью и рано-ли, поздно-ли сами сбросятъ съ себя помѣщиковъ, а съ ними и царя, коли онъ ихъ будетъ защищать. Такъ было и во всѣхъ другихъ странахъ: повсюду народъ возставалъ противъ дворянъ и королей (а во Франціи такъ даже 100 лѣтъ тому назадъ народъ казнилъ царя) и повсюду добился того, что сталъ управляться самъ своими выборными. Увидя это, даже безпощадный царь Николай I завѣщалъ сыну освободить крестьянъ. И вотъ дѣйствительно, когда Александръ Николаевичъ, который былъ помягче, да потрусливѣе, увидѣлъ подъ Севастополемъ, какое слабое у него войско, да какіе плохіе начальники, да какъ пуста казна, да какъ страшно недоволенъ и волнуется всюду народъ, то не выдержалъ и сказалъ самимъ же дворянамъ: „лучше отмѣнимъ мы крѣпостное право добровольно, чѣмъ ждать, пока возьмутся за это сами крестьяне и силой добудутъ себѣ волю.

И вѣрно разсудилъ царь съ дворянами: сами крестьяне ужь на половинѣ не помирились бы, а взяли бы себѣ всю землю и полную волю, а царь съ дворянами далъ имъ полъ-земли и полъ-воли, да и прослылъ за это благодѣтелемъ, освободителемъ.

И вотъ уже 40 лѣтъ, какъ царь съ чиновниками и дворянами, купцами и фабрикантами живутъ и богатѣютъ трудомъ вольныхъ крестьянъ и рабочихъ. Земли отрѣзали крестьянамъ всюду самой худшей и столько, чтобы не хватило на прокормъ семьи, да еще назначили огромный выкупъ—значитъ волей-неволей крестьянинъ долженъ просить у помѣщика земли въ аренду и платить ему, сколько онъ назначитъ, а не захочетъ помѣщикъ вовсе сдавать, такъ долженъ итти къ нему въ батраки или уходить на заводъ или фабрику, гдѣ изъ него купецъ тоже довольно барышей навыжметъ. Лѣтъ съ 20 тому назадъ стали крестьяне отъ тѣсноты на вольныя земли уходить, такъ царь велѣлъ всячески это переселеніе затруднять,—и угрозами и невыдачей паспортовъ, а иныхъ и по этапу, какъ арестантовъ, назадъ гнали. Почему же это царю жаль для крестьянъ пустой земли, за которую ему же они оброкъ платятъ? А вотъ почему: если крестьянамъ свободнѣе станетъ, то для помѣщика батракъ подорожаетъ, а аренда подешевѣетъ. А для дворянъ довольно у царя земли. Имъ роздали сколько-то милліоновъ десятинъ въ разныхъ губерніяхъ почти безъ всякой платы. А то еще, когда соціалисты, которые добивались полной народной воли, убили Александра II, то сначала сынъ его Александръ Александровичъ стру-

силъ, прикинулся мужицкимъ заступникомъ, крестьянскій банкъ устроилъ и объявилъ, что за легкій процентъ будетъ помогать крестьянамъ землю покупать. Чего же лучше. Да оказалось, что процентъ вовсе не легкій, что выдали денегъ самые пустяки, только для вида, а черезъ два-три года, когда полиція повыловила соціалистовъ, добивавшихся народной воли, осмѣлѣлъ Александръ III и открыто уже сталъ дворянскимъ царемъ, устроилъ дворянскій банкъ и выдалъ изъ него денегъ дворянамъ въ 10 разъ больше и со всякими льготами. Въ концѣ же посадилъ мужику на шею для острастки, а бѣднымъ дворянамъ для прокорма, земскихъ начальниковъ. Все тоже самое продолжаетъ и нынѣшній царь: всѣ льготы крестьянамъ, только для виду, лѣвой рукой даетъ, а правой еще больше назадъ беретъ, а дворянамъ и купцамъ ужь обѣими руками, да полными горстями отсыпаетъ. Вотъ, напримѣръ, въ самое послѣднее время повелѣлъ нашъ Николай II, чтобы въ Сибири, гдѣ мужику земли не хотятъ давать, отводилась, за самую пустячную плату, земля дворянамъ: обидно стало Николаю, что Сибирь—страна мужицкая, что нѣтъ тамъ еще помѣщиковъ и послалъ ихъ туда—кормиться казенной землей да мужицкимъ трудомъ. Нѣтъ, не для того, чтобы облегчать крестьянъ, снялъ съ нихъ царь цѣпи крѣпостной неволи, а чтобы легче было ползоваться ихъ трудомъ самому царю съ чиновниками, помѣщиками и купцами. И оплелъ онъ мужика вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ такими прочными сѣтями, такой нищетой и кабалой, что ужь еле бьется мужикъ, еле дышетъ, словно муха въ паутинѣ, и пропадетъ онъ со-

всѣмъ, если кто еще будетъ теритъ, коли не возьмется за умъ, не соберется съ силой, да не разорветъ эти проклятыя цѣпи. Но какъ же это сдѣлать? А вотъ къ этому самому мы всю рѣчь ведемъ. Мы хотимъ открыть мужику всю правду, хотимъ, чтобы онъ самъ взялся за свое освобожденіе, самъ добился вполнѣ и земли и воли. А для этого долженъ онъ прежде всего бросить всякую надежду на царя и на всѣхъ, кто на мужицкой шеѣ сидитъ и мужицкимъ трудомъ кормится: для нихъ для всѣхъ мужикъ все равно, что рабочая скотина, что же они за дураки, чтобы самимъ его изъ ярма освободить? Это, слава Богу, уже многіе крестьяне хорошо понимаютъ, 40 лѣтъ не даромъ прошло, темноты поменьше стало, перестали на царя, какъ на Бога надѣяться, многіе уже хорошо понимаютъ, что ни на кого не долженъ рабочій народъ надѣяться, кромѣ какъ на самого себя. Но этого мало, надо всему крестьянству съ городскими рабочими ясно сознать свою силу, понять, что, если они всѣ согласно встанутъ, то, чего они потребуютъ, то и будетъ. Вѣдь на каждую сотню людей въ Россіи всего можетъ 20 или, самое большее, 25 наберется нерабочаго сословія, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ, чиновниковъ, поповъ и всякихъ другихъ, что чужимъ трудомъ живутъ, а остальные—всѣ рабочіе.

Значитъ, если бы всѣ рабочіе люди согласно дѣйствовали, то они всего могутъ добиться. Скажутъ на это: „а царь солдатъ на нихъ пошлетъ!“ Да солдаты то кто? Вѣдь изъ тѣхъ же крестьянъ и рабочихъ, и когда всѣ сознаютъ, въ чемъ цѣль рабочаго народа,

такъ тѣ же солдаты будутъ стрѣлять не въ своихъ отцовъ и братьевъ, а въ ихъ притѣснителей и грабителей. Никто не устоитъ противъ рабочаго народа, когда онъ поймет всю правду и сознаетъ свою силу. Это очень хорошо видитъ царь и ничего онъ такъ не боится, какъ этого. Поэтому изо всѣхъ силъ старается онъ о томъ, чтобы народъ оставался въ темнотѣ, чтобы задержать народное просвѣщеніе. Во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ народъ самъ собою, черезъ своихъ выборныхъ, управляется, тратятся огромныя деньги на народныя школы и тамъ почти нѣтъ неграмотныхъ, не только между мужчинъ, но и между женщинъ, всѣ читаютъ книги, газеты. А у насъ царь тратитъ сотни милліоновъ на войско, на желѣзныя дороги, чтобы заводчики побольше барышей имѣли, да на чиновниковъ, а на народныя школы почти ничего не тратитъ и даже земству препятствуетъ всяческими придирками школы строить. Радъ бы царь и вовсе школы народныя закрыть, да никакъ нельзя: вѣдь темный, безграмотный народъ между образованными народами все равно, что младенецъ между взрослыми: всегда и во всемъ его осилятъ, забьютъ и задавятъ; къ тому же и самъ народъ русскій уже теперь ясно сознаетъ пользу грамоты и частью самъ, частью черезъ земство много уже школъ устроилъ. И вотъ опять пускается царь съ чиновниками на хитрость, зоветъ поповъ на помощь, даетъ имъ много денегъ, поручаетъ имъ школы устраивать, да только такія, чтобы еле-еле тамъ грамотѣ выучиться можно было, а чтобы до настоящаго понятія, до настоящаго знанія онѣ не доводили бы; хочетъ царь такимъ

способомъ поповскими рясами закрыть отъ народа свѣтъ правды. Но и этого мало: боится царь, что всякій, даже и плохо грамотный, дойдетъ всетаки черезъ книги до правды,—такъ назначилъ онъ множество чиновниковъ, чтобы они не допускали печатать въ книгахъ и газетахъ ничего противъ царя, чиновниковъ, купцовъ и помѣщиковъ, а то какъ бы не взбунтовался рабочій народъ противъ нерабочихъ сословій, какъ бы не сталъ онъ жить и работать свободно для самаго себя. Такъ и идетъ машина: деретъ царь съ мужика подати и на эти же подати содержитъ чиновниковъ, поповъ и полицію, которые того же мужика морочатъ и до правды не допускаютъ.

Что же, долго еще будетъ мужикъ терпѣть, чтобы такъ его дурачили?

Но больше всего боится царь соціалистовъ, потому что видитъ, что добрались они до самой правды и доведутъ до нея и весь рабочій народъ. Соціалисты хотятъ устроить жизнь разумно, по справедливости и по совѣсти; противна имъ теперешняя жизнь, когда, хотя хлѣба и всего, потребнаго для людей, добывается больше, чѣмъ надо, но всетаки большая часть людей живетъ въ страшной бѣдности, въ голодѣ—для того, чтобы немногіе богачи могли жить въ излишествѣ и въ роскоши. Страшно соціалистамъ видѣть, какъ среди людей, вмѣсто любви и братства, какъ проповѣдывалъ Христосъ, идетъ страшная борьба, одинъ у другого кусокъ изо рта вырываетъ, сильный слабаго давитъ, грабитъ, притѣсняетъ, какъ живутъ люди не по человѣчески, а по волчьему. Соціалисты хотятъ, чтобы

вмѣсто этой звѣриной жизни начали люди жить по истинному завѣту Христа—въ мирномъ трудѣ, согласіи и взаимной помощи, чтобы каждый работалъ, сколько можетъ и имѣлъ всего, сколько надо, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни царей, ни рабовъ, а были бы между людьми свобода, братство и равенство. А какъ этого добиться? Да только однимъ способомъ: всякій народъ долженъ управляться не насиліемъ, не царемъ съ чиновниками, полиціей и войскомъ, а свободно, по своей собственной волѣ, черезъ особыхъ своихъ выборныхъ. А потомъ вся земля, всѣ рудники, заводы, фабрики, мастерскія не должны быть въ рукахъ помѣщиковъ и купцовъ, которые наживаются на нихъ чужимъ трудомъ, а должны быть они въ распоряженіи всего народа черезъ тѣхъ же выборныхъ, такъ, чтобы всѣ крестьяне пользовались землей, а рабочіе фабриками, заводами и рудниками; каждый человѣкъ будетъ тогда и хозяиномъ и работникомъ.

Уже всѣ образованные народы (французы, нѣмцы, англичане и др.) добились свободнаго народнаго выборнаго самоуправленія и въ томъ выборномъ управленіи соціалисты забрали уже много силы и забираютъ ея все больше. И когда наберется у соціалистовъ болѣе половины голосовъ, среди выборныхъ, то постановятъ они закономъ отобрать у помѣщиковъ и купцовъ всю землю, всѣ фабрики и заводы въ общее пользованіе рабочему народу. Когда же у насъ такъ будетъ? Долго ли еще царь съ чиновниками будутъ самоуправствовать, долго ли еще 130 милліоновъ людей будутъ въ кабалѣ у одного? Когда наконецъ встанетъ рабочій

народъ за свои нужды и за свои права? Когда придетъ вторая, настоящая, полная воля?

Въ Россіи пока еще мало соціалистовъ и царь съ дворянами и купцами бьется съ ними не на жизнь, а на смерть, потому что понимаетъ, что, если станетъ ихъ больше и пристанетъ къ нимъ рабочій народъ, то придетъ тогда конецъ и царю и всѣмъ нерабочимъ сословіямъ.

Прежде всего сдѣлались у насъ въ Россіи соціалистами многіе образованные люди изъ крестьянства, мѣщанства и, вообще, изъ небогатыхъ людей (студенты, писатели, учителя, доктора и др.). Нѣкоторые изъ нихъ часто сами тоже испытали нужду и всю жизнь работаютъ, имѣютъ совѣсть, жалѣютъ рабочаго человѣка, хотятъ жить по правдѣ и ненавидятъ зло и насиліе. Попробовали эти русскіе соціалисты еще лѣтъ 30 тому назадъ открыть правду рабочему народу, ходили они тайно по городамъ и деревнямъ и говорили, какъ добиться земли и воли, да ничего изъ этого не вышло: темный былъ тогда народъ, вѣрилъ въ царя-освободителя, какъ въ Бога, а тѣмъ людямъ, которые для него свою жизнь отдавали,—не повѣрилъ; и ловила ихъ полиція и въ тюрьмахъ гноила. Тогда, видя, что царь съ полиціей глухой стѣной стоитъ между ними и рабочимъ народомъ, рѣшили соціалисты напасть на самого царя, чтобы устрашить его, чтобы онъ допустилъ соціалистовъ открыто говорить съ народомъ.

Но не уступилъ Александръ II, понадѣялся, что Богъ чудесно спасетъ его. Тогда соціалисты, добивавшіеся свободной воли, 1 марта 1881 года взорвали его

бомбой. Однако и это не помогло. Александръ III понадѣялся даже не на Бога, а на полицію: заперся самъ безвыѣздно въ своемъ деревенскомъ дворцѣ, а полиціи и жандармамъ далъ такую власть и столько денегъ, что ей дѣйствительно удалось переловить главныхъ соціалистовъ-народовольцевъ. Вышло такъ опять же изъ-за темноты народной: не понялъ тогда народъ, что соціалисты и царя убили и сами на смерть идутъ за народную волю, за вторую, настоящую волю для рабочаго народа, а подумали, что царя убили дворяне въ месть за освобожденіе крестьянъ. Конечно, можетъ быть и тогда кое-кто изъ рабочихъ и крестьянъ догадывался, въ чемъ правда, да не осмѣливался голосу подать. И молчалъ народъ, какъ мертвый, когда царь казнилъ и въ тюрьмахъ и ссылкѣ душилъ соціалистовъ-народовольцевъ... Вся бѣда, все горе въ темнотѣ народной, въ томъ, что не понимаетъ народъ, кто за него и кто противъ него, что онъ руки цѣлуетъ тому, кто у него на шеѣ сидитъ, и бьетъ того, кто его, какъ брата, съ любовью обнимаетъ. Такъ же вотъ темный, несчастный народъ радовался, когда богатые правители Христа распяли...

Что же было дѣлать соціалистамъ? Увидѣли они, что не могутъ до царя добраться, нельзя его пока прямо силой одолѣть, и рѣшили дожидаться, пока хоть немного темнота народная разсѣется, распространится повсюду грамотность и просвѣщеніе, а до тѣхъ поръ стали понемногу силы накоплять. Одни стали просвѣщать городскихъ рабочихъ, говорили имъ правду о томъ, чего хотятъ соціалисты, учили ихъ бороться

противъ хозяевъ за свои нужды и права. Другіе въ деревняхъ трудились, чтобы образовать крестьянъ, чтобы научить ихъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ и какъ должны жить, чтобы и сами крестьяне наконецъ начали добиваться лучшей жизни. И не пропала эта работа даромъ, потому что въ послѣднее время рабочій человѣкъ уже не тотъ, что былъ 20—30 лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ былъ темный, довѣрчивый и робкій, на всякій кулакъ онъ тогда молился. А теперь сталъ умнѣе и смѣлѣе, на кулакъ онъ кулакомъ отвѣтитъ, а если его за глотку берутъ, то и самъ онъ грабителя и притѣснителя за глотку схватитъ. Надоѣло ему быть рабочей скотиной, захотѣлъ онъ стать человѣкомъ и добиться человѣческой жизни. Потому и сталъ наконецъ понимать рабочій народъ соціалистовъ, которые именно къ хорошей и свободной жизни указываютъ путь. Въ послѣднее время многія тысячи и десятки тысячъ городскихъ рабочихъ пристали къ соціалистамъ, устраиваютъ стачки, добиваются уменьшенія рабочаго времени и увеличенія заработка, собираются толпами и ходятъ по улицамъ съ пѣснями противъ царя, купцовъ и помѣщиковъ. И дружно идетъ дѣло: студентъ запѣваетъ, рабочій подхватываетъ, а скоро подхватитъ и крестьянинъ. Начинаетъ уже въ послѣднее время и мужикъ отъ сна пробуждаться, стало и у него терпѣнія убавляться, а смѣлости прибавляться, соединяются кое гдѣ и крестьяне въ тайные союзы и кружки и начинаютъ приставать къ соціалистамъ. И скоро, можетъ быть, послышится и крестьянскій голосъ и загремитъ онъ тогда на всю

Россію, какъ труба, на страшный судъ призывающая, и свершится этотъ правый, безпощадный судъ надъ всѣми врагами рабочаго народа.

Что же теперь надо дѣлать крестьянамъ, которые недовольны своей теперешней жизнью и хотятъ лучшей? Конечно, прежде всего нужно ясно понять, что имъ не достаетъ, въ чемъ ихъ главная нужда, въ чемъ правда. А для этого надо имъ свободно обо всемъ и между собой и со всякимъ умнымъ человѣкомъ говорить, надо свободно побольше всякихъ книгъ читать. Значитъ, прежде всего нужно, чтобы не мѣшалъ царь всѣмъ свободно собираться и обо всемъ говорить, не мѣшалъ бы никому, о чемъ угодно книги печатать. Если надо въ самомъ дѣлѣ только о мужикѣ и заботиться, то зачѣмъ же онъ соціалистамъ ротъ зажимаетъ? Если царь по правдѣ поступаетъ и соціалисты неправду говорятъ, то пусть-ка царь и чиновники передъ всѣмъ народомъ въ книжкахъ это докажетъ, пусть открыто споритъ съ соціалистами, тогда народъ самъ разсудитъ, на чьей сторонѣ правда. Нѣтъ, молчитъ царь. Иное дозволяетъ онъ печатать, а до конца не позволяетъ говорить: далъ онъ русскимъ людямъ и въ словѣ (въ рѣчи) только полъ-воли, думаетъ правду изморомъ взять, въ тюрьмѣ ее сгноить. Но напрасно царь на это надѣется: если не явно, то тайно, черезъ такія вотъ книжки, какъ эта, раздастся правда по всему крестьянству и добьется рабочій народъ того, что друзья его—соціалисты открыто повсюду будутъ свою правду проповѣдывать.

А когда будетъ такая свобода каждому говорить

и печатать книжки, то надо тогда крестьянамъ и всему рабочему народу добиваться свободнаго народнаго выборнаго управленія. И въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ, обманулъ царь русскій народъ: далъ ему только полъ-воли, чтобы онъ цѣлой не требовалъ. Устроилъ царь земства, да только пустилъ мужиковъ туда лишь для вида, а главныя выборныя права далъ помѣщикамъ да купцамъ. Такъ и вышло, что главную силу забрали въ земствѣ дворяне, купцы и чиновники и очень мало дѣлаютъ они для рабочаго народа: а къ главнымъ, обще-государственнымъ дѣламъ —къ распоряженію всей государственной казной и къ составленію законовъ—земскіе выборные и вовсе не допущены. Такъ вотъ и тутъ надо добиться крестьянамъ полной воли. Надо, чтобы всѣ государственныя дѣла по всей Россіи рѣшались особымъ всероссійскимъ земскимъ выборнымъ собраніемъ отъ всѣхъ губерній, особымъ „земскимъ соборомъ“, какъ это уже и было въ старину, да царями московскими самовластно было нарушено: надо, чтобы выборные въ этомъ всероссійскомъ земскомъ соборѣ выбирались голосами всѣхъ людей безъ исключенія, а не одними богатыми, которые теперь въ земствѣ, чтобы каждый крестьянинъ и рабочій имѣлъ такой же голосъ, какъ и купецъ, попъ, дворянинъ, чиновникъ. И все, что постановитъ этотъ земскій соборъ, то долженъ царь исполнять, а не исполнитъ, такъ земскій соборъ вовсе отрѣшитъ его отъ власти.

И вотъ только отъ этого земскаго собора, отъ своихъ собственныхъ выборныхъ дождется рабочій народъ и послѣдней полной воли. Пока власть въ рукахъ царя съ купцами и дворянами, то, конечно, они всѣ законы себѣ на пользу придумываютъ, а какъ будутъ законы издавать вы-

борные отъ всего народа, то заберутъ силу выборные отъ крестьянъ и рабочихъ, потому что будетъ ихъ противъ выборныхъ отъ нерабочаго сословія десять противъ одного. И будетъ тогда законъ не палкой въ рукахъ сильныхъ противъ слабыхъ, какъ теперь, а защитой для бѣдныхъ и слабыхъ противъ сильныхъ и богатыхъ. Тогда самъ рабочій народъ чрезъ своихъ выборныхъ освободится отъ кабалы помѣщиковъ и купцовъ, что трудомъ его наживаются, станетъ самъ пользоваться землей, фабриками и заводами и всѣми капиталами, рабочей скотиной, машинами и проч., станетъ самъ и хозяиномъ и работникомъ, добьется жизни въ довольствѣ, отдохнетъ отъ каторжнаго труда да отъ нищенской голодной жизни. Но какими же средствами можетъ рабочій народъ добиться всего этого: свободы слова, выборнаго всенароднаго управленія и общаго владѣнія всей землей, фабриками и заводами? Конечно, не сразу, а мало по малу. Сначала надо крестьянамъ и рабочимъ только сговариваться другъ съ другомъ, сосѣдъ съ сосѣдомъ, рабочій съ рабочимъ, деревня съ деревней, заводъ съ заводомъ и соединиться въ тайные кружки и союзы, просить начальство и самаго царя, чтобы дозволилъ свободно говорить и книжки печатать, чтобы созвалъ выборныхъ отъ всего народа. Послушаетъ царь—чего же лучше? Мы его же поблагодаримъ, что хватило у него ума и совѣсти уступить добровольно. Да только мало на то надежды, чтобы волкъ послушалъ ласковаго слова и овцу изъ зубовъ выпустилъ. Скорѣе всего придется рабочему народу съ угрозой своей потребовать и царю силу свою показать. Когда увидитъ народъ, что правду говорятъ соціалисты, когда станетъ ему не въ моготу терпѣть и переста-

нетъ онъ совсѣмъ въ царя вѣрить и бояться его, то откажется онъ подати платить и въ солдатахъ служить. Конечно, пока еще рано это начинать, надо, чтобы всѣ крестьяне по всей Россіи дружно между собой согласились, а то пошлетъ царь солдатъ, набранныхъ въ одной губерніи, противъ крестьянъ другой губерніи, да и затушитъ пожаръ красной кровью, какъ тушили цари бунты крѣпостныхъ крестьянъ. Но когда пойметъ правду большинство рабочаго народа, да дружно и стойко откажется покоряться царю, что онъ тогда сдѣлаетъ? Придется, видно, ему самому тогда покориться... Ну, а если онъ и тогда не уступитъ, то возстанетъ рабочій народъ, возстанетъ и войско, состоящее изъ того же народа, и не будетъ тогда пощады проклятымъ насильникамъ и притѣснителямъ.

Дружно же, братья-крестьяне, за работу. Поймите, что вся правда въ соціализмѣ, а вся ваша сила—въ васъ самихъ. Если будете лѣнивыми и робкими и будете ждать, что полная воля сама къ вамъ придетъ, то никогда не дождетесь, останетесь на вѣки въ нищетѣ и неволѣ. Ждать, что воля сама придетъ, все равно, что ждать урожая съ незасѣянной полосы. Добывайте сами правду и другихъ учите, стойте дружно одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Не жалѣйте трудовъ, не бойтесь враговъ, не пожалѣйте и жизни за міръ, за весь рабочій народъ—тогда придетъ вторая воля, полная воля. И будутъ тогда жить люди, какъ завѣщалъ Христосъ, въ мирѣ и трудѣ, въ любви и братствѣ, и будетъ ихъ жизнь свободна и счастлива и благословятъ васъ ваши дѣти, внуки и правнуки за великую вашу борьбу.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.